

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Гуляев И.К. Концепция «империя-субалтерн» в 2024 г.: дискурс-анализ высказываний представителей российской политической власти // Политика и Общество. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.4.73153
EDN: XDDCSV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73153

Концепция «империя-субалтерн» в 2024 г.: дискурс-анализ высказываний представителей российской политической власти

Гуляев Илья Константинович

студент; факультет политологии; Санкт-Петербургский государственный университет

191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3

✉ st096333@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2025.4.73153

EDN:

XDDCSV

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2025

Аннотация: В статье исследуется актуальность концепции «империя-субалтерн», которая была предложена применительно к России Вячеславом Морозовым в книге «Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World». Автор ставит целью исследовать возможность описания дискурса представителей российской власти при помощи концепции Морозова. Кроме того, предпринята попытка охарактеризовать место России в мире как «империи-субалтерна» после начала специальной военной операции в 2022 г. Статья подробно рассматривает высказывания представителей российского политического класса в рамках отношений «Россия–Запад» и – в частности – текущего внешнеполитического противостояния. В исследовании дискурсивные практики российского руководства вписаны в более широкий идеологический контекст, который отражает положение России в текущей системе международных отношений.

Методологическая основа исследования – дискурс-аналитический подход Э. Лакло (Лаклау) и Ш. Муфф. Эмпирическая основа исследования – высказывания представителей российской власти. При анализе были использованы тексты политиков и

чиновников, а также официальные выступления и другие политические документы. Эмпирические данные охватывают период с февраля 2022 по октябрь 2024 года. В статье сделан вывод о том, что ключевые черты России как Subaltern Empire, предложенные Морозовым в 2015 г., сохраняют свою актуальность в российском политическом дискурсе 2022–2024 г. Начало специальной военной операции не внесло существенных изменений в характер отношений России и Запада. Россия является «субалтерном», который находится в «подчиненном положении» по отношению к «гегемону». Характерными чертами «субалтерности» России являются имманентный европоцентризм политического и культурного языка, воспроизводимый российскими политиками нарратив фрустрации и обиды, попытка сконструировать собственную идентичность путем отрицания Запада, стремление получить признание собственных «заслуг» на Западе и др. Именно Запад остается для России тем значимым другим, с которым она перманентно соотносит себя.

Ключевые слова:

империя-субалтерн, Запад, внешняя политика России, российская политическая власть, российская политическая элита, российский консерватизм, дискурс-анализ, значимый другой, постколониальная теория, гегемония

Введение

Начало специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г., безусловно, оказало огромное влияние на развитие отношений России и т. н. «Коллективного Запада». Идеологический разворот России от Запада, начавшийся задолго до СВО, теперь приобрел не только военно-стратегическое, но и полноценное политико-идеологическое измерение. Важными теоретическими концептами, призванными объяснить и обосновать разрыв России с Западом, стали цивилизационный подход, политическое мышление в духе неореализма и культурный консерватизм — пресловутые «традиционные ценности». В рамках данной дискурсивной рамки Россия мыслится как политически и культурно автономная «цивилизация», которой противостоит главный противник — чуждый «Запад».

И все же некоторые исследователи высказывают сомнения в том, что стремление России к разрыву с Западом и — в частности — Европой, является подлинным и последовательным. В частности, Борис Межуев ^[1] — приверженец цивилизационного подхода и «русского палеоконсерватизма» — предположил, что действительной задачей СВО является возвращение России в Европу «в качестве ведущего игрока», а не окончательное размежевание со Старым Светом. Межуев полагает, что Россия не оставляет попыток «трансформировать» Запад под собственные «нужды и предпочтения» и вновь подружиться с Европой — на новых основаниях. Несмотря на дискуссионный характер, статья Межуева имеет политическую актуальность — это показывает и публикация Владиславом Сурковым в 2023 г. статьи «Рождение Севера» ^[2]. По мысли автора, в будущем — хоть и «нескоро» — прошлые обиды будут забыты, а объединенные единым христианским наследием Россия, Европа и США — сольются в «Триединый северный геополитический кластер».

Это побуждает нас обратиться к концепции «империя-субалтерн» Вячеслава Морозова. Рассмотрение исторической траектории России сквозь оптику постколониальной теории предложено Морозовым в книге «Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a

Eurocentric World» [\[3\]](#), а также — ряде статей [\[4; 5\]](#). Центральным понятием работы [анализ концепции Морозова на русском языке см.: 6] является «империя-субалтерн». Понятие «субалтерн», заимствованное из постколониального дискурса, характеризует положение России в «неолиберальной капиталистической системе» как зависимого полупериферийного актора (material dependency). Другой вид зависимости России от Запада связан с культурной, нормативной зависимостью (normative dependency). У российской образованной публики сформировался европоцентричный взгляд на общество и государство: Запад стал для России референтной точкой, значимым другим, с которым она себя соотносит. По мысли Морозова, это привело к тому, что Россия не обладает собственным политическим языком (speechless) и находится в подчиненном (under hegemony) положении по отношению к Западу. Ответом на исторические вызовы является либо идентификация с Европой и попытка войти в круг «цивилизованных стран», либо — напротив — отталкивание от Запада, отрицание западной гегемонии и провозглашение собственного уникального пути. Данная логика, по мнению автора, напоминает поведение колонизируемого субъекта: он вынужден использовать дискурс колонизатора, не имея собственного языка для формулирования контрдискурса. В то же время Россия исторически является сильным актором (empire) в мировой политике. Это сформировало своеобразную диалектику идентичности: Россия одновременно испытывает своеобразное постколониальное чувство неполноценности в отношении Запада, но в то же время стремится быть «великой державой».

Представляется, что концепция Морозова обладает высоким эвристическим потенциалом для объяснения трансформаций российского политического режима в 1990–2010-е гг. Однако, вопрос о том, применима ли рассматриваемая концепция к новому периоду истории России — после начала СВО — является актуальным. После 24 февраля официальный политический дискурс претерпел изменения, антизападная риторика приобрела более ожесточенный характер, а статус «государства-цивилизации» теперь закреплён в Концепции внешней политики РФ [\[7\]](#). Совсем неочевидно, что «новая» Россия все еще является Subaltern Empire. Можно ли говорить о том, что она сбросила с себя дискурсивную тяжесть «постколониального комплекса» перед Западом?

Методы

Целью исследования является анализ как официального, так и медийного дискурса представителей российской власти. Наиболее релевантным в контексте нашего исследования является дискурс-аналитический подход Э. Лакло (Лаклау) и Ш. Муфф с акцентом на примате политического, дискурсивной гегемонии, «временной закрытости» и мифах как неизбежном искажении реальности [см.: 8]. Исследовательской задачей является анализ текстовых документов, поэтому нами будут использованы элементы подхода Лакло и Муфф, а также элементы лингвистического анализа дискурса. Другой задачей исследования является сопоставление дискурсивных практик российских политиков после начала СВО с дискурсом предшествующего периода российской истории. Здесь мы опираемся на работу Морозова [\[3\]](#) и те положения относительно российского политического дискурса, которые автор выдвинул в исследовании. Нашей задачей будет соотнесение отмеченных Морозовым в 2015 г. аспектов идентичности России как «Subaltern Empire» с высказываниями представителей российской власти в 2022–2024 гг.

В исследовании будут рассмотрены публичные заявления ведущих представителей российской власти — здесь мы опираемся на рейтинг влияния российских политиков,

ежегодно составляемый АПЭК^[9]. Понятия «представители российской политической власти», «российские политики», «политическая элита», «политический класс», «российское руководство» в контексте нашей работы не нуждаются в дополнительной операционализации и используются как взаимозаменяемые. Под данными понятиями мы понимаем совокупность ведущих представителей российской политики — т. н. «федеральную административную элиту», а также — «партийную элиту» [Там же].

Результаты

Владимир Путин во многих выступлениях подчеркивает тот факт, что после 1991 г. Россия стремилась наладить конструктивные и даже дружеские отношения с Западом, однако последний сам не захотел видеть Россию в числе своих партнеров. Главным индикатором неприязненного отношения Запада к России президент считает расширение НАТО, которое происходило вопреки «обещаниям» и договоренностям^[10]. По мнению Путина, после развала СССР Запад «не оставлял попыток поджечь постсоветские государства» и «добить Россию» путем натравливания «международных террористов», провоцирования «региональных конфликтов», экономического «подавления» и т. д.^[11] В этом же неокOLONIALном ряду стоят действия Запада в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, саботаж Минских соглашений^[12]. Подобный взгляд на роль Запада в мировой истории разделяют, к примеру, Николай Патрушев^[13] и Дмитрий Медведев^[14]. Однако, именно в выступлениях Путина мы можем заметить «артикуляции» [см.: 7, с. 56], которые указывают нам на разочарование российского лидера в США и «европейских партнерах». Путин акцентирует внимание на том, что Россия была «готова к конструктивному диалогу», делала различные предложения «партнёрам», демонстрировала «открытость и добрую волю»^[15], «пыталась договориться», выражала «готовность честно работать» с Западом^[12], «ожидала» от Запада «предложения к сотрудничеству и союзничеству» и принятия в семью «цивилизованных народов»; затем — пыталась «восстановить отношения», «искать точки соприкосновения»^[16]. В ответ же Россия получала «невнятную либо лицемерную реакцию»^[15], сталкивалась «с циничным обманом и враньём, либо с попытками давления и шантажа»^[12]. Одним словом, Россию «обманули, а выражаясь народным языком, просто кинули» [Там же], «водили за нос»^[16]. Соответственно, не Россия отвернулась от Запада, а сам Запад отказал России.

Как представляется, данный нарратив похож на выражение некоего чувства фрустрации и даже обиды. Характерно, что Т. Карлсон^[16] — журналист, не обладающий широкими компетенциями в области постсоветской политики, — уловил эмоциональное состояние российского президента. На изложение Путиным примеров, иллюстрирующих «обман» Западом России, Такер задает вопрос: «Я чувствую, что Вы испытываете горечь по этому поводу, я понимаю. Но почему, как Вы думаете, Запад тогда так вас оттолкнул?». Разумеется, Путин флегматично отвечает, что «обида» или «горечь» — «это не те субстанции, которые в таких случаях имеют место быть», ведь речь идет о мировой политике. Однако, частота воспроизведения данного нарратива и эмоциональный окрас лексики президента говорит нам об обратном. В речах Путина Запад играет роль непорядочного делового партнера, который занимается обманом и рэкетом: «кинули», «циничный обман», «попросту обманули», «постоянно обманывали», «полный обман», «водили за нос». Президент апеллирует к морали и нравственным качествам западных элит: «...такое шулерское поведение противоречит не только принципам международных

отношений, но прежде всего общепризнанным нормам морали и нравственности. Где же здесь справедливость и правда?» [\[12\]](#).

Многие исследователи и публицисты склонны указывать на фактор личности президента России в контексте взаимоотношений России и Запада. Так, Ангус Роксборо [\[17\]](#), «бывший пиар-консультант Кремля», полагает, что в начале своего пребывания у власти В. В. Путин хотел сближения с Западом, а теперь, потерпев неудачу, — «хочет отомстить». Риккардо Николози [\[18\]](#) полагает, что «красной нитью» через всю внешнеполитическую аргументацию Путина начиная с 2014 г. «проходит сильная эмоция, а именно — обида». Путин «представляет постсоветскую Россию как глубоко обиженную страну», которую Запад «неоднократно оскорблял и обманывал». Григорий Юдин [\[19\]](#) (признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом) указывает на то, что «в России сегодня распространена очень сильная эмоция» — «чудовищная бесконечная обида (на Запад. — Прим. И. Г.)», важным генератором которой является сам президент. Наконец, Максим Шевченко [\[20\]](#) также указывает на то, что современная риторика Путина «полна горькой обиды на неконструктивность Запада — "мы хотели как лучше, хотели дружить — а вы такие обманщики!"».

Вячеслав Морозов пишет о том, что положение России как субалтерна вызывает сначала чувство «онтологической незащищенности», а затем — «контргегемонистский» (counter-hegemonic) ресентимент [\[3, p. 109–111\]](#). Ощущение российским руководством собственной незащищенности связано с «экспансией» Западного политического «порядка» [Ibid, p. 135–137]: яркими примерами здесь являются «цветные революции» [Ibid, p. 138] и кризис в Югославии в 1999 г. [Ibid, p. 153]. Нарратив фрустрации и обиды, воспроизводимый Путиным, отражает реакцию России на незащищенность и подчиненное (subordinate) положение страны по отношению к «гегемону».

Помимо военно-политической экспансии, представители российской власти активно критикуют культурную политику западных стран. Именно артикуляция отказа от западных культурных практик позволяет российским политикам конструировать собственную идентичность. Здесь Морозов ссылается на американскую исследовательницу национализма Лию Гринфельд, которая указывает на то, что российские интеллектуалы, «не в силах оторваться от Запада <...> и не имея ничего, что можно было бы ему противопоставить, определили его как антимodelь и построили идеальный образ России в прямом противоречии с ним». Россию оценивают по тем же «стандартам», что и Запад, но она — «намного лучше Запада»: на каждый западный «порок» у нее — «свое достоинство» [\[3, p. 129\]](#). По мнению Морозова, именно негация, лежащая в основе российского антизападничества, делает его таким радикальным и бескомпромиссным [Ibid, p. 134].

Данное отрицание является четко различимым в дискурсе. Так, Сергей Шойгу, отвечая на призыв главы Пентагона быть «нормальной страной» и разделять западные ценности, заявил: «...единственное, что хочу сказать — мы, наверное, все-таки побудем пока ненормальными» [\[21\]](#). Николай Патрушев подходящим определением для западных ценностей считает «несвойственные нашему российскому обществу и доминирующие в зарубежной культуре» [\[13\]](#). Нередко культурная политика Запада в российском дискурсе предстает суженной — в виде нарратива вокруг «меньшинств». Так, Путин полагает, что теперь на Западе другой «культурный код»: «Там просто родитель № 1 и родитель № 2. И гендеры там десятками измеряют. <...> Но это совсем не наша культура, это совсем другой код какой-то» [\[22\]](#). Сергей Нарышкин полагает, что Запад стремится подменить

«всякими трансгендерами и биомеханоидами» человека, который «создан по образу и подобию Божьему» [23]. Вячеслав Володин считает, что «европейские политики» стремятся «разрушить» «духовно-нравственные основы» общества — Швейцария, ФРГ, Испания, Италия, Швеция входят в пятерку стран мира по «доле трансгендеров» [24]. Таким образом, конструирование идеологической альтернативы Западу в качестве фундамента использует критику (отрицание) модных социологических направлений — к примеру, *gender studies*. «Традиционными» здесь являются те ценности, что противоречат дискурсу о «трансгендерах» и нетрадиционной сексуальной ориентации.

Поэтому Морозов полагает, что в центре российского консервативного дискурса находится пустота (*empty spot*) [3, p. 104]. Россия делает попытку отвергнуть западный модерн и изобрести альтернативный, свой собственный [Ibid, p. 161]. Для этого заимствуется язык европейского романтического национализма [Ibid, p. 133], обращение к концептам «цивилизации» или «нации» [Ibid, p. 162], однако идея возвращения к «корням» как альтернативе западноевропейскому рационализму все равно остается «пустым означающим» [Ibid, p. 121]. К примеру, Александр Бастрыкин полагает: «СВО показала, что идет борьба идеологий нацизма и защиты советской Родины» [25]. Также глава СК считает, что необходимо возрождать «традиции советского образования» — «вернуться на круги своя к нашему отечеству, истории, к нашим традициям...» [26]. В то же время, по мнению «коммуниста» Геннадия Зюганова, свидетельством морального упадка «западной цивилизации» является подмена и отмена «исконных народных традиций празднования Рождества» [27]. Одним словом, представители российской власти едины в интенции отмежеваться от культурных практик Запада. Однако та точка, к которой необходимо вернуться в поиске традиции — «Святая Русь» или атеистический СССР — все еще остается неопределенной.

В этой связи представляется логичным вывод о том, что ключевым актом в борьбе за «традицию» является именно отрицание Запада, а не предложение собственного образа будущего, мировоззрения. Кроме того, само отрицание т. н. «леволиберальной повестки» российскими консерваторами дискурсивно мало чем отличается от критики своих оппонентов теми же американскими или европейскими правыми. Таким образом, и в аспекте критики западной культуры российский дискурс неизбежно оказывается связан путями европоцентризма (западоцентризма). Российский консерватизм нещадно критикует культурологический словарь «гегемона», но не способен отказаться от него.

Морозов также отмечает, что логика изобретения субалтерном контрдискурса превращает партикулярный нарратив размежевания с «гегемоном» в универсалистский, апеллирующий к глобальному сообществу [3, p. 118]. Здесь не только русское превращается в общечеловеческое, но и наоборот. Так, Лавров заявляет, что Запад «сам растоптал продвигаемые им постулаты глобализации» [28] и действует на международной арене вопреки идеалам «свободы», «равенства» и «демократии» [29]. О «подмене международных норм» говорят и Патрушев [13], и Мишустин [30], и Шойгу [31], и Бастрыкин [32]. Дмитрий Песков в 2023 г. утверждает: «...все, что делаем мы, полностью зиждется на международном праве» [33]. Медведев говорит об угрозе со стороны Запада для «фундаментальных принципов рыночной экономики» и «правовых отношений»: неприкосновенности частной собственности и верховенства международного права [14]. Об отмене Западом «принципов рыночной экономики» [34] и отказе от ВТО «как регулятора международной торговли» [12] говорит и президент РФ. Нарышкин полагает,

что внедрение «западных либеральных ценностей» происходит «в ущерб защищаемым нами истинным общечеловеческим ценностям» [35]. Сергей Миронов утверждает: «Мы боремся не только за будущее страны, мы боремся за будущее всего человечества» [36], поскольку западный «путь» — это путь в бездну, путь к концу человечества» [37].

Мы можем установить, что дискурс либеральной политической философии с акцентом на правах человека, международном праве и рыночной экономике подвергся своеобразной интернализации со стороны российского руководства. В 1990-е гг. российская элита частично переняла язык «свободы», «равенства» и «демократии» и стремилась позиционировать себя как «единственного европейца в стране» [3 р. 154]. В 2010-е руководство страны отказалось от дискурса либеральной демократии и интеграции в международные институты «Глобального Запада». Однако, язык либеральной философии был успешно усвоен руководством и, как мы видим, частично превращен в собственный. Особенно привержены российские элиты идее либерального капитализма: тот же Владимир Путин регулярно подчеркивает важность института предпринимательства [38] и свободного движения капитала [39]. Поэтому Николай Патрушев отрицает право Запада определять собственные ценности в качестве «универсальных» — они лишь «искусственно навязываются» в качестве таковых. Правда, в этом же тексте Патрушев критикует «возрождение (на Западе. — Прим. И. Г.) пещерного национализма» и, в целом, рост правых настроений в Европе [13]. Сочетание критики западного либерализма и дискурса вокруг меньшинств одновременно с критикой роста популярности правых идей — еще одно подтверждение причудливой диалектики антизападного и западного в российской политической риторике.

Как видится, критика «русофобов», фашистов, «ультраправых», «неонацистов» и «расистов» апеллирует к общеевропейскому послевоенному дискурсу, осудившему как ультраправые режимы 1930-х гг., так и другие правые идеологии. Заявляя о том, что «европейские политики стараются забыть о зверствах фашистов в годы Второй мировой войны» [40] или о том, что «на Украине школьников водят возлагать цветы на могилы нацистов...» [41], Бастрыкин как бы укоряет Европу за то, что та забывает собственное идейное наследие. Апелляция к «нацизму» и «фашизму» как абсолютному злу вновь подчеркивает европоцентризм российского дискурса. Критика все тех же «националистов», «правых» и «ультраправых», а нередко и «неолибералов» является широко распространенной в западных humanities и social sciences. Российский политический дискурс критикует леволиберальные ценности Запада языком западных правых, а самих правых — с опорой на язык либеральной философии.

Внешнеполитическое противостояние с Западом является одновременно попыткой победить оппонента и добиться его признания. Так, Сергей Собянин утверждает: «Россия осталась один на один с половиной мира», а Запад — недооценил «ни наш народ, ни нашу страну, ни управление страны» [43]. По словам Сергея Кириенко, «коллективный Запад» при экономическом давлении на Россию не учел «русский дух, наш менталитет» — произошел «ровно обратный эффект», чем ожидали западные страны [44]. Медведев полагает, что «раньше» (до начала СВО. — Прим. И. Г.) с Россией не «считались по-настоящему», а теперь — стали, «как с Советским Союзом» [45]. Российская сторона, несмотря на все заявления о «фашистском» Западе, стремиться подчеркнуть силу своего оппонента — ведь это указывает и на собственные успехи. Однако, данный прием мы не встречаем в заявлениях западных политиков, что указывает на то, что именно российская элита стремится получить признание своих

заслуг со стороны а priori более сильного соперника. Позиция субалтерна побуждает его постоянно искать одобрение и признание со стороны «гегемона» [3, p. 129].

Наш предыдущий тезис становится более ясным, если мы взглянем на осуществляемое российскими политиками дискурсивное позиционирование России в мире. Владимир Путин с 2000 г. регулярно подчеркивал принадлежность России к Европе [Ibid, p. 107]. Еще в июне 2021 г. Путин называл Россию «европейским государством» и указывал на «неразрывную культурную и историческую связь с Европой» [46]. По нашему мнению, новый виток внешнеполитического противостояния с Западом не внес существенных изменений в позицию президента. Так, на ПМЭФ-2024 Путин заявил, что не Россия утрачивает «элементы европейской культуры» — европейская культура «убивается» в Западной Европе. Более того, Россия «по определению» становится центром «традиционной европейской культуры и традиционных европейских ценностей», которые связаны с христианским наследием [47]. Матвиенко согласна с Путиным: «Россия была, есть и будет частью Европы» [42]. «Россия и есть самая европейская ценность. Это часть европейских ценностей» [48], — считает Песков. Наконец, Андрей Белоусов заявляет: «Россия может стать хранителем традиционных ценностей Запада», поскольку сам Запад со своими ценностями «распрощался» [49].

Тезис о России как «настоящей Европе» глубоко укоренен в российском политическом дискурсе. Так, Морозов указывает на то, что важной составляющей риторики российских консерваторов является представление о России как более духовной (spiritually superior) и даже более европейской, чем сам «загнивающий» (decaying) Запад [3, p. 113]. В рамках данного нарратива миссией России становятся защита и хранение «истинных» европейских ценностей и критика «ложной» Европы, уклоняющейся в сторону от себя настоящей [Ibid, p. 119].

Российское руководство предпринимает попытку спасти от поворота к «глобальному либерализму» не только старые европейские ценности, но и Европу как политический проект. Главной угрозой для «Старого Света» здесь являются внешнеполитические амбиции США: американцы стремятся «использовать Европу в своих интересах» [50] и навязать ей неравноправные отношения. Матвиенко заявляет: «Американцы просто положили Европу <...> Европа стала полным вассалом» [51]. Володин считает, что «ЕС потерял свои суверенитет и субъектность», поскольку «попал под влияние США» [52]. Одним словом, Запад в глазах российского руководства не является монолитным субъектом. США несут бóльшую ответственность за разрыв связей с Россией — американцы же и подтолкнули к конфронтации Европу. В то же время спасти Европу нужно не только от США или НАТО, но и от самой себя. Ведь, как считает Патрушев, западные политики «не являются самостоятельными фигурами», а поэтому не могут «изменить жизнь в их государствах к лучшему» [53]. Схожую точку зрения высказывает Матвиенко: «...на Западе сейчас какое-то безвременье. И не видно политиков, которые абсолютно самостоятельны, суверенны, которые могли бы принимать ответственные решения» [54]. Медведев же вспоминает о «процветающей» и «независимой» послевоенной Европе как антиподе современной: нынешние европейские лидеры — «сплошь жалкие дилетанты, махровые русофобы и интеллектуальные пигмеи» [55].

Однако, российский политический класс не оставляет надежду на то, что Европа все-таки образумится и отвергнет идеи евроатлантизма и «глобального либерализма». Как считает Нарышкин, «думающая часть общества» в США и Европе испытывает

разочарование в либеральных ценностях. Единственный выход для этих стран — «вновь искать связи с Россией» [56]. Владимир Путин также считает, что «многие европейцы» стремятся развиваться «на базе своих традиционных ценностей» [57]. «Если Европа хочет сохранить себя в качестве одного из самостоятельных центров мирового развития и культурно-цивилизационных полюсов планеты, ей <...> нужно быть в хороших, добрых отношениях с Россией, — заявил Путин, — и мы, главное, к этому готовы» [58]. Таким образом, Россия не может бросить Запад в деле низового сопротивления его граждан «навязываемым» либеральным ценностям. У визави еще остается шанс одуматься и вернуться к диалогу с Россией — а результаты выборов в европейских странах в 2024 г., как считают некоторые российские политики, уже указывают на то, что Европа на пути к здравому смыслу [59].

Поэтому бескомпромиссная — на первый взгляд — антизападная риторика в речах многих политиков становится куда менее жесткой. Лавров утверждает, что Запад сам «прекратил сотрудничать» с Россией — «он построил стену» [60]. Путин регулярно подчеркивает тот факт, что «в той ситуации, в которой мы находимся», виноват Запад: «...это не мы довели, а наши партнёры, оппоненты до этого довели», — отвечает президент на вопрос Т. Карлсона [61]. «Мы не хотим ни с кем рвать отношения <...> Мы же ничего не захлопываем, не закрываем: ни двери, ни форточки, ни окна. Если кто-то решил отгородиться, то это их дело. Они сами себя обкрадывают», — считает Путин [61]. Матвиенко также заявляет: «Я не выступаю за то, чтобы сейчас сразу заколотить «окно в Европу», оно может пригодиться» [62]; «...для нас сотрудничество с Евросоюзом остается одной из приоритетных задач» [63]. Белоусов утверждает: «...Говорить о том, что Запад наш враг, — неверно», ведь на Западе существуют элиты и «общественные слои», которые связаны «именно с традиционными ценностями». Россия, по мысли Белоусова, может стать для этой части Запада «спасительной соломинкой» [64].

Выводы

Разумеется, наше исследование не претендует на описание дискурса российского политического класса как монолитного целого. При помощи грамотного «cherry picking» можно продемонстрировать другие высказывания российских политиков, где нет места стремлению спасти «истинную» европейскую культуру или тезисам о все еще приоткрытых «окнах в Европу». Однако, целью данной работы является не подбор «удобных» цитат или текстов, а демонстрация тех скрытых — и часто не рефлекслируемых — интенций, которые находят отражение в дискурсе. В рамках теории дискурса Лакло и Муфф, субъекты становятся некими позициями в дискурсах: дискурсы всегда предписывают людям позиции, которые они должны занимать как субъекты [7, с. 80]. Так и в случае с высказываниями представителей власти — дискурсивные стратегии перформативно определяют позицию России в мире и ее отношения с Западом. Наличие рассмотренных нами артикуляций в российском дискурсе не говорит о том, что большая часть политической элиты представляет Россию как «подчиненный» субъект. Однако, это указывает нам на наличие определенной дискурсивной рамки, которая оказывает влияние на мышление российских политиков.

Как мы видим, несмотря на новый виток внешнеполитического противостояния с Западом, дискурсивные практики представителей российской власти демонстрируют актуальность концепции «империя-субалтерн». Россия отказалась от идеи интеграции в

«Запад», а напряжение в отношениях с НАТО, кажется, вновь достигло пиковой точки. Однако, трудно не согласиться с тезисом Морозова о том, что противостояние России и Запада трудно описать как прямо конфронтационное (outright confrontational) [3, p. 110]. Оно представляет собой тот довольно уникальный случай, когда одна из сторон одновременно готова уничтожить своего врага и — в то же время — не может обойтись без него. Даже для того, чтобы окончательно размежеваться с Западом и развенчать «глобальный либерализм», российские политики вынуждены обращаться к западным идеям и языку. В то время как любая гегемония оспаривается, у противников гегемонии нет другого языка, кроме языка гегемонии [Ibid, p. 108].

Таким образом, нами сделан вывод о том, что диалектика отношений «гегемон-субалтерн» не покинула отношений Запада и России. Более того, быть может именно в ситуации военного столкновения черты «империи-субалтерна» проступают наиболее явственно. Как указывает Морозов, уникальность России состоит не в ее «субалтерности», а в том, что она остается «империей». Россия всегда стремилась — и стремится сейчас — быть наравне с другими «великими державами». Однако «имперскость» России является «странной» — «вторичной», «подчиненной», ориентированной на Европу и потому — «несамодостаточной» [65]. Если Запад внезапно исчезнет из политической и культурной карты мира — Россия обнаружит себя в ситуации глубокого кризиса идентичности. Значимый другой, который определяет положение России с XVIII в., в действительности играет куда большую роль для последней, чем об этом принято говорить в официальном политическом дискурсе. Именно поэтому, как нам удалось показать в данной работе, образ Запада остается фундаментально важным для российского политического класса и — несмотря на некоторые модификации — все так же определяет «субалтерное» положение России. Последняя все еще испытывает чувство фрустрации и обиды по отношению к Западу, пользуется европоцентричным политическим и культурным языком, конструирует собственную идентичность путем отрицания западной, стремится получить признание собственных «заслуг» на Западе и — при возможности и на приемлемых условиях — примириться с ним.

Представляется логичным вывод Межуева о том, что сочетание интенции разрыва с Западом со стремлением переделать его под себя и заново подружиться — таит в себе «соблазн» для нынешнего и следующего поколений российской элиты [1, с. 67-68]. При прочтении текстов Матвиенко о необходимости сохранить «окно в Европу» или Зюганова — о европейцах, которые выступают против «антироссийской» политики своих правительств — невольно вспоминаешь и идею «Триединого северного геополитического кластера» Суркова. Как пишет Морозов, история России состоит из повторяющихся циклов «прозападной» модернизации, которые неизбежно следуют за циклами «антизападной реакции» [3, p. 57].

Библиография

1. Межуев Б. В. Цивилизационное равнодушие / Б. В. Межуев // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 5(117). С. 61–78.
2. Рождение севера. URL: <https://actualcomment.ru/rozhdenie-severa-2309262036.html> (дата обращения: 29.10.2024).
3. Morozov V. Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World. Palgrave Macmillan, 2015.
4. Morozov V., Pavlova E. Indigeneity and subaltern subjectivity in decolonial discourses: a comparative study of Bolivia and Russia // J Int Relat Dev No. 21. 2018. Pp. 689–716.
5. Morozov V. Post-Soviet subalternity and the dialectic of race: reflections on Tamar

Koplatadze's article // Postcolonial Studies. No. 24(1). 2020. Pp. 159–166.

6. Летняков Д. Э. Россия и постколониальная теория: некоторые размышления о концепте "империя-субалтерн" / Д. Э. Летняков // Полилог. 2019. Т. 3, № 1. С. 9.

7. России прописали самобытность и глобальную миссию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5912032> (дата обращения: 30.10.2024).

8. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во "Гуманитарный Центр", 2008. 352 с.

9. Сто ведущих политиков России в октябре 2024 года. URL: https://www.ng.ru/ideas/2024-10-31/6_9127_100.html (дата обращения: 30.10.2024).

10. Интервью Дмитрию Киселёву. – *Президент России*. Официальный сайт. 13 марта 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73648> (дата обращения: 30.10.2024).

11. Послание Президента Федеральному Собранию. – *Президент России*. Официальный сайт. 21 февраля 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/70565> (дата обращения: 30.10.2024).

12. Обращение Президента Российской Федерации. – *Президент России*. Официальный сайт. 24 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (дата обращения: 30.10.2024).

13. Нужны ли России «универсальные» ценности? – *Совет Безопасности РФ*. Официальный сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2802/> (дата обращения: 30.10.2024).

14. «Наши люди, наша земля, наша правда»: заместитель председателя Совета безопасности РФ Дмитрий Медведев об итогах 2022 года, который изменил миропорядок. URL: <https://rg.ru/2022/12/25/nashi-liudi-nasha-zemlia-nasha-pravda.html> (дата обращения: 30.10.2024).

15. Обращение Президента Российской Федерации. – *Президент России*. Официальный сайт. 21 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67828> (дата обращения: 30.10.2024).

16. Интервью Такеру Карлсону. – *Президент России*. Официальный сайт. 9 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73411> (дата обращения: 30.10.2024).

17. Guardian: Путин не понял, почему Запад не хочет сблизиться с ним, и теперь мстит. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-08-12/Guardian-Putin-ne-ponyal-pochemu> (дата обращения: 31.10.2024).

18. Униженные и оскорбленные. Аффективная риторика Владимира Путина. URL: https://geschichtedergegenwart.ch/nicolosi_putin_ru/ (дата обращения: 31.10.2024).

19. «Имперская формула принята официально: Россия нигде не заканчивается». URL: <https://meduza.io/feature/2023/02/24/imperskaya-formula-prinyata-ofitsialno-rossiya-nigde-ne-zakanchivaetsya> (дата обращения: 31.10.2024). «Медуза» признана Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

20. Максим Шевченко: В словах Путина – горькая обида на Запад. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/118401/> (дата обращения: 31.10.2024).

21. Шойгу ответил главе Пентагона: «Побудем пока ненормальными». URL: <https://ura.news/news/1052398562> (дата обращения: 31.10.2024).

22. Путин назвал чуждыми российской культуре западные "десятки гендеров" и "родителей №1 и №2". URL: <https://tass.ru/politika/16430467> (дата обращения: 31.10.2024).

23. Глава СВР: «Страшно приезжать в Европу, такое количество извращений там расплодилось». URL: <https://daily.afisha.ru/news/79224-glava-svr-strashno-priezzhat-v-evropu-takoe-kolichestvo-izvrascheniy-tam-rasplodilos/> (дата обращения: 31.10.2024).
24. Вячеслав Володин: власть в Европе захватили суррогаты. URL: <http://duma.gov.ru/news/60010/> (дата обращения: 31.10.2024).
25. Бастрыкин посоветовал, где искать национальную идею в России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17712291> (дата обращения: 31.10.2024).
26. Бастрыкин увидел в западном образовании негативное влияние на общество. URL: <https://aurora.red/bastrykin-uvidel-v-zapadnom-obrazovanii-negativnoe-vliyanie-na-obschestvo-rossii> (дата обращения: 31.10.2024).
27. Зюганов предрек скорый крах Запада. URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/07/zu/> (дата обращения: 31.10.2024).
28. Лавров рассказал, как Запад «растоптал» глобализацию. URL: <https://news.ru/vlast/lavrov-rasskazal-kak-zapad-rastoptal-principy-globalizacii/> (дата обращения: 01.11.2024).
29. О праве, правах и правилах. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877702> (дата обращения: 01.11.2024).
30. Запад использует односторонние принудительные меры, заявил Мишустин. URL: <https://ria.ru/20240919/briks-1973567895.html> (дата обращения: 01.11.2024).
31. Шойгу: ухудшение системы международной безопасности угрожает суверенитету стран. URL: <https://www.kp.ru/online/news/5988242/> (дата обращения: 01.11.2024).
32. Бастрыкин обвинил Запад в нарушении международных норм. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2024/02/28/22435855.shtml> (дата обращения: 01.11.2024).
33. Песков заявил о нежелании России жить по правилам Запада. URL: <https://lenta.ru/news/2023/08/02/peskov/> (дата обращения: 01.11.2024).
34. Инвестиционный форум «Россия зовёт!». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/72926> (дата обращения: 01.11.2024).
35. Нарышкин: Запад внедряет в странах СНГ либеральные ценности в ущерб общечеловеческим. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/naryshkin-zapad-vnedryaet-v-stranah-sng-liberalnye-tsennosti-v-uscherb-obshechelovecheskim> (дата обращения: 01.11.2024).
36. Миронов призвал опираться на духовные ценности в борьбе с идеологией Запада. URL: <https://www.pnp.ru/social/mironov-prizval-opiratsya-na-dukhovnye-cennosti-v-borbe-s-ideologiy-zapada.html> (дата обращения: 01.11.2024).
37. Россия, отстаивая традиционные ценности, ведет борьбу за будущее человечества – Миронов. URL: <https://mironov-online.ru/news/rossiya-otstaivaya-traditsionnye-tsennosti-vedet-borbu-za-budushhee-chelovechestva-mironov/> (дата обращения: 01.11.2024).
38. Путин рассказал о важности предпринимательства для развития страны. URL: <https://ria.ru/20230526/predprinimatelstvo-1874378709.html> (дата обращения: 01.11.2024).
39. Путин заявил, что Россия и партнеры «не взламывают» рыночную экономику. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6393374a9a79471a02c4aa79> (дата обращения: 01.11.2024).
40. Бастрыкин: Европа пытается забыть о зверствах фашизма, чтобы не чувствовать стыд. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1330993-bastrykin-evropa-fashizm> (дата обращения: 01.11.2024).
41. Александр Бастрыкин: неонацизм и реваншизм пока, видимо, не пугают Европу. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20200917/Aleksandr-Bastrykin-neonatsizm-i-revanshizm-poka->

- vidimo-ne-pugayut-Evropu-249470640.html (дата обращения: 01.11.2024).
42. «Европе сегодня следует сделать свой разворот над Атлантикой». Интервью Валентины Матвиенко МИЦ «Известия». URL: <http://council.gov.ru/events/news/135718/> (дата обращения: 02.11.2024).
43. Собянин заявил, что все иллюзии по поводу дружелюбия Запада рухнули весной этого года. URL: <https://tass.ru/politika/16531201> (дата обращения: 02.11.2024).
44. Кириенко: Запад не учел большого значения справедливости для россиян. URL: https://news.rambler.ru/science/48693440/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 02.11.2024).
45. Медведев: Запад стал считаться с Россией, как с СССР. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5457600> (дата обращения: 02.11.2024).
46. Статья Владимира Путина «Быть открытыми, несмотря на прошлое». – Президент России. Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65899> (дата обращения: 02.11.2024).
47. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. – Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234#sel=453:1:yBJ,457:5:cXv> (дата обращения: 02.11.2024).
48. Песков назвал Россию самой европейской ценностью. URL: <https://ura.news/news/1052688806> (дата обращения: 02.11.2024).
49. Белоусов заявил о роли России – хранителя традиционных ценностей Запада. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/06/2023/6487568c9a7947183a339a24> (дата обращения: 02.11.2024).
50. Сергей Лавров: На Запад больше полагаться не будем. Будем работать со всем остальным миром. URL: https://spb.tsargrad.tv/articles/sergej-lavrov-na-zapad-bolshe-polagatsja-ne-budem-budem-rabotat-so-vsem-ostalnym-mirom_784878 (дата обращения: 31.10.2024).
51. Матвиенко назвала Европу полным вассалом США. URL: <https://ria.ru/20240423/evropa-1941678336.html> (дата обращения: 02.11.2024).
52. Володин описал «закат Европы». URL: <https://vz.ru/news/2022/12/22/1192102.html> (дата обращения: 02.11.2024).
53. Николай Патрушев: «Россию хотят превратить в Московию». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/579349> (дата обращения: 02.11.2024).
54. Матвиенко указала на желание граждан в Европе «сместить» действующие власти. URL: <https://iz.ru/1725598/2024-07-10/matvienko-ukazala-na-zhelanie-grazhdan-v-evrope-smesti-deistvuiushchie-vlasti> (дата обращения: 02.11.2024).
55. Медведев назвал проблемами Европы удорожание жизни и национальное унижение. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/02/11/962612-medvedev> (дата обращения: 02.11.2024).
56. Нарышкин – о нападках на религиозные ценности на Западе. URL: <https://irp.news/naryshkin-o-napadkah-na-religioznye-cennosti-na-zapade/> (дата обращения: 02.11.2024).
57. Многие европейцы стремятся к своим традициям, заявил Путин. URL: <https://ria.ru/20240607/putin-1951500729.html> (дата обращения: 02.11.2024).
58. Встреча с руководством МИД России. – Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285> (дата обращения: 02.11.2024).
59. «Избиратели Франции и Европы дают отпор русофобии». Заявление Председателя ЦК КПРФ Геннадия Зюганова. URL: <https://www.rline.tv/news/2024-07-01-izbirateli-frantsii-i-evropy-dayut-otpor-rusofobii-zayavlenie-predsdatelya-tsk-kprf/> (дата обращения: 02.11.2024).

02.11.2024).

60. Лавров назвал трагедией для западной цивилизации нынешние отношения с Россией. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2022/12/07/lavrov-nazval-tragediey-dlya-zapadnoy-civilizacii-nyneshnie-otnosheniya-s-rossiey> (дата обращения: 02.11.2024).

61. Путин заявил, что Россия не собирается закрывать окно в Европу. URL: <https://ria.ru/20231117/evropa-1910165109.html> (дата обращения: 02.11.2024).

62. Матвиенко призвала не заколачивать «окно в Европу», которое пригодится. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2022/6298dd8a9a7947c989ba7f07> (дата обращения: 02.11.2024).

63. Валентина Матвиенко: Европа ничуть не меньше страдает от санкций. Поэтому для нас сотрудничество с Евросоюзом-приоритетная задача. URL: <https://otr-online.ru/programmy/ot-pervogo-litsa/valentina-matvienko-21077.html> (дата обращения: 02.11.2024).

64. Андрей Белоусов: «Ядро устроено не из экономики, оно устроено из смыслов». URL: <https://www.rbc.ru/business/13/06/2023/6482d3389a79473805ee8978> (дата обращения: 02.11.2024).

65. «Россия не говорит своим голосом. Она вторична». URL: <https://perito.media/posts/morozov-interview#pt3> (дата обращения: 29.10.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает эвристический потенциал концепции «империи-субалтерна» в применении к новейшей истории России. Учитывая верно отмечаемый автором статьи кризис моделей объяснения тех процессов, в которые мир и Россия вступили после 24 февраля 2022 г., научную актуальность и практическую значимость выбранной для исследования темы следует признать достаточно высокими. В качестве базовой методологии исследования автор декларирует критический дискурс-анализ, а основным теоретическим конструктом – понятие «империи-субалтерн» В. Морозова. Вполне корректное применение описанной методологии позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, сама идея рассмотреть дискурс современной российской политической элиты сквозь призму постколониального концепта «субалтерн» представляется достаточно оригинальной. Определённый интерес представляет также идея кризиса идентичности российских элит, манифестируемого в их дискурсе. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. За основу автор взял принятую в международной науке структуру IMRAD, но в процессе «потерял» раздел «D – discussion». Хотя потенциал для выделения раздела «Обсуждение» в тексте есть. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, смысловые разрывы, встречающиеся в тексте: «Россия, Европа и США — сольются в "Триединый северный геополитический кластер"». Это побуждает нас [что именно "побуждает нас"? мысли Владислава Суркова, о которые выше шла речь? слияние России, Европы и США в кластер? ниже речь идёт о постколониальной теории, в контексте которой конкретизировалось грамшианское понятие "субалтерн"] обратиться к концепции "империя-субалтерн"...»; или повторы

слов: «трудно не согласиться..., что противостояние... трудно описать...»; есть и просто не очень удачные стилистические решения, например, злоупотребление указательными местоимениями: «Заявляя о том, что..., или о том, что..., Бастрыкин как бы укоряет Европу за то, что та забывает...»; и др.) и грамматических (например, в выражении «коллективный Запад» слово «коллективный» зачем-то написано с заглавной буквы, хотя это не географическое, да и вообще не название; а вот понятие «значимый Другой» как раз принято писать с прописной буквы, а автор статьи пишет со строчной; или ненужные тире: «стремление России к разрыву с Западом и — в частности — Европой»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. Хотя встречаются и некоторые терминологические казусы. Например, совершенно неясен смысл следующей сентенции: «Идеологический разворот России от Запада... теперь приобрел... полноценное политико-идеологическое измерение [идеология приобрела идеологическое измерение? – рец.] Ещё одна терминологическая странность – это явное злоупотребление новомодным словечком «нарратив», под которым автор понимает и «выражение некоего чувства фрустрации и даже обиды», и жалобы В.В. Путина на то, что Запад Россию «водил за нос», и многое другое. Ещё одним примером подобных злоупотреблений является термин «cherry picking», который автор явно употребляет в положительном смысле: «При помощи грамотного "cherry picking" можно продемонстрировать другие высказывания российских политиков...». В то время как истинное значение данного выражения – «выборочное представление фактов», то есть логическая ошибка, которая отнюдь не украшает научное исследование. Библиография насчитывает 65 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при аргументации теоретико-методологического выбора. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно обширный эмпирический материал, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистам в области политического дискурса, политических медиа, а также для студентов перечисленных специальностей.

Представленный материал соответствует тематике журнала «Политика и Общество».

По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.